

Вдруг вижу я: идет король и с ним его люди; они спешат при страшном громе труб, рогов и рожков. Король остановился на одном возвышении вместе со своей пехотой, желая им что-то сказать. И уверяю вас, что я никогда не видел такого прекрасного воина; он казался выше всех. На голове у него был чудный позолоченный шлем и в руке меч немецкой работы. Когда он остановился, его рыцари увидели, что другие всадники и люди короля схватились с турками: они бросились также вперед вместе с прочими. И знайте, что в этот раз были совершены такие подвиги с обеих сторон, каких еще не видали никогда во все время заморских походов (*veage d'oultre mer*, то есть Крестовых). И никто не стрелял из луков, арбалетов и других метательных орудий, но бились телом к телу, поражая палицами, мечом, древками копий и перемешивались друг с другом. Я только смотрел и выражал сожаление со своими рыцарями, что мы не участвовали в деле вместе с прочими, хотя мы были покрыты ранами паравле с другими. Но вот ко мне является мой оруженосец, убежавший вместе с моим знаменем; он подвел мне одного из моих горячих боевых коней, и я тотчас сел на него и стал рядом с королем. Там же был мессир Жан Валери, который видел, что король хочет удариться в битву: и он ему советует взять направо, к реке, на случай опасности, чтобы иметь возможность получить вспомоществование от герцога Бургундского и его армии, которая охраняла лагерь, оставленный нами на другой стороне реки; а также и с той целью, чтобы наши люди могли освежиться и испить воды. Жара же была чрезмерная. Король приказал созвать своих баронов, рыцарей и других людей совета, находившихся в битве с турками. И когда они явились, он спрашивал, что теперь делать. И многие отвечали, что добрый рыцарь, мессир Жан Валери, находившийся с ним, давал весьма хороший совет. Тогда по совету того Валери, признанному многими за хороший, король удалился вправо к реке. И вот приходит мессир Гумберт из Божё, кошпетабль Франции, и говорит королю, что его брат, граф Артоа, окружен в одном доме в Мансуре и чудесно защищается: но при

всем том ему нужна помощь и он просит короля пособить ему. И король сказал: «Кошпетабль, поспешайте вперед, я последую за вами». И я, Жоанвиль, говорю кошпетаблю, что желаю быть одним из его рыцарей и отправлюсь за ним, за что он меня поблагодарил от всего сердца. И немедленно каждый из нас дал шпоры и помчался на Мансуру, в пыл битвы с турками. И многие из наших отделились от других и скакали врознь, рассеявшись между силами турецкими и сарацинскими.

Вот вскоре является один из пехотинцев к кошпетаблю, с которым был и я, и говорит, что король окружен турками и находится в великой опасности. Мы перепугались и почувствовали великий страх: ибо между нами и тем местом, где турки окружили короля, стояло, по крайней мере, тысяча или тысяча двести турок, а нас было всего шесть человек. Тогда я говорю кошпетаблю, что так как мы не имеем возможности проникнуть через массу турок, то лучше обойти их сверху. Так мы и сделали. По дороге нам встретился ров между нами и сарацинами. И знайте, что если бы они обратили внимание на нас, то мы были бы все немедленно перерезаны; но они поджидали короля и другие главные отряды; притом они прижали нас за своих. Таким образом, мы прибыли к реке и, проходя между ею и дорогой, увидели, что король отступил вверх по реке, а турки подводят новые отряды. И турецкие войска сразились с королевскими у самой реки, и было то зрелище достойное сожаления: ибо большая часть наших, которые были ослабев, задумали перейти на другую сторону, к лагерю, где находился герцог Бургундский; но это было невозможно, так как их лошади много уже трудились и потеряли силу, и ко всему тому была страшная жара. Спустившись ниже вдоль реки, мы увидели, что вода была вся покрыта пиками, копытами, щитами, людьми и лошадьми, которые погибали и тонули. Когда мы увидели печальную участь, постигшую наших людей, я сказал кошпетаблю, что нам следует остаться у реки для охранения небольшого плота, который там находился. «Ибо, — прибавил я, — если мы бросим это место, то они нападут на